

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геодемографическая динамика русских общин ближнего зарубежья, несмотря на кардинальные социально-политические, экономические, социокультурные различия стран постсоветского пространства, обнаруживает множество типологически сходных черт. Прежде всего, речь идет о едином для всех этих стран демографическом тренде: их русское население сокращалось непрерывно и практически повсеместно (в региональном разрезе и на всех уровнях системы расселения) на всем протяжении постсоветского периода. Причем естественная убыль в данном процессе всегда играла подчиненную роль. А центральное место принадлежало миграционному оттоку и/или различным формам ассимиляции и смены этнической самоидентификации представителями группы би(поли)этнофоров.

Определенные различия обнаруживались только в темпах демографического сжатия русских общин. За три постсоветских десятилетия русские практически полностью оставили Закавказье и большую часть Средней Азии, несколько лучше они сохранились в западном и северо-западном регионах ближнего зарубежья.

Но в целом, если для сопоставимости расчетов исключить из анализа русских Крымского полуострова, огромный массив русского населения за 30-летний период сократился более чем вдвое (с 23,7 млн до 10,7–11,4 млн чел.) (табл. 1).

Наблюдая подобную количественную динамику, можно было бы констатировать наличие отчетливой русофобской линии в национальной политике едва ли не всех постсоветских стран. Но более внимательный взгляд на этнодемографические процессы в ближнем зарубежье обнаруживает аналогичное сжатие значительного числа других диаспор и этнических групп. Практически все постсоветские государства (кроме самой России) отличаются нарастающей титулизацией населения. Причем данный процесс шел вне зависимости от того, как менялся их общий демографический потенциал.

Таблица 1. Динамика численности русских в странах ближнего зарубежья, 1989–2018 гг. (тыс. чел.)¹

Страны и территории	1989	1999–2001	2009–2011	2018
Украина (без Крыма, с учетом Восточного Донбасса)	9730	6880	5500	4400–4900*
Белоруссия	1342	1142	785	590–630*
Узбекистан	1653	1000–1050*	600–650*	500–550*
Таджикистан	388	68	35	25–30*
Туркмения	334	190–200*	90–10*	60–70*
Казахстан	6228	4480	3848	3450–3550*
Киргизия	917	603	408	353
Грузия (с учетом Абхазии)	341	95	50	40–45*
Азербайджан	392	142	119	75–80*
Армения	52	15	12	8–9*
Литва	344	220	175	120–130*
Латвия	906	703	556	487*
Эстония	475	351	341	329*
Молдавия (с учетом Приднестровья)	562	390	270	245–255*
Ближнее зарубежье (млн чел.)	23 664	16,28–13,34	12,79–12,85	10,68–11,42*

Примечание: * – оценка автора.

Все постсоветские страны по количественной динамике населения четко разделились в соответствии со своей цивилизационно-конфессиональной принадлежностью. Страны христианской цивилизации демографически убывали, а государства исламского ареала – увеличивали (как правило, быстро) свое народонаселение. Но доля титульного народа во всех постсоветских государствах росла непременно². Причем самая значительная часть этнических меньшинств не только теряла в удельном плане, но и сокращалась в абсолютных размерах. Закрытый, консервативный Туркменистан в этом отношении немногим отличался от модернизированной Литвы.

Таким образом, динамика русских на постсоветском пространстве представляла частный случай общей закономерности, хотя и самый яркий в силу их изначальной многочисленности. Декларации о создании гражданских полиэтнических наций, озвучиваемые политиками новых постсоветских государств, мало соотносились с реальными практиками активной

¹ Составлено по: Национальные переписи стран СНГ и Балтии; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

² Среди исключений отметим незначительное сокращение в 2004–2014 гг. удельного веса молдован в Молдове (с 75,8 % до 73,8 %), связанное идентификационной трансформацией части титульного населения, определившегося во время последней переписи в качестве румын.

«коренизации» социально-политической, административно-управленческой, экономической и культурной жизни ближнего зарубежья.

Впрочем, многочисленные примеры построения национальных государств с упором на титульное большинство демонстрирует не только ближний пояс России, но практически все страны Восточной Европы, включенные в мультикультурный, наднациональный, предельно толерантный к национальным меньшинствам Евросоюз. Наличие общего социально-экономического пространства не мешало восточным европейцам оставаться закрытыми для многих социокультурных институтов и практик, характерных для Западной Европы. Еще свободнее в своей управленческой деятельности был политический класс постсоветских государств (не включенных в Евросоюз), в большинстве случаев формируемый и активно поддерживаемый национально ориентированными группами титульного населения, нежелавшего делить с кем-либо еще роль «хозяина» своих стран.

Таким образом, практически на всем постсоветском пространстве у власти оказались буржуазные националисты, продолжившие процесс нацистроительства своих стран в том же системном направлении, в каком они пытались его осуществить в первой половине XX в. У государств Закавказья и Украины опыт такого строительства уложился в считанные месяцы (или 1–2 года) в начале 1920-х гг., в странах Балтии занял около двух десятилетий. Однако и данного ограниченного времени было вполне достаточно, чтобы наглядно продемонстрировать основные векторы национальной политики.

Показательной в этом отношении была ситуация в межвоенной Литве. Согласно А. Марцинкявичусу, не только для политического класса страны, но и для большинства его титульного населения «лояльность этнических меньшинств, как и успех социальной адаптации, ассоциировалась с их ассимиляцией. Р. Скипитис обратил внимание на то, что сохранению идентичности русских способствовала старообрядческая и православная вера, но он не считал этот фактор долговременным. Он полагал, что небольшой процент иностранцев и в других странах поддается влиянию основной нации государства, и на протяжении жизни двух-трех поколений большая часть членов меньшинств переходит в ряды господствующей нации. Известный литовский географ Казис Пакинас (1893–1960) в одной из своих работ высказал предположение, что русские в Литве постепенно утратят свою идентичность ввиду их рассеянности на территории страны и по причине смешанных браков с литовцами»¹.

¹ Марцинкявичус А. Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. № 1. 2011. С. 143.

Курс на этнокультурную унификацию населения, его комплексную титулизацию остается доминирующей тенденцией на всем постсоветском пространстве и в настоящее время. И данное обстоятельство было определяющим фактором в количественной и пространственной динамике подавляющего большинства национальных меньшинств новых государств.

Теоретически высокий удельный вес русских в населении целого ряда стран ближнего зарубежья на стыке 1990–2000-х гг. позволял рассчитывать им если не на признание в качестве второго государствообразующего народа, то хотя бы на придание русскому языку статуса государственного, наряду с языком титульной нации. Эти надежды оказались чистой утопией. Очевидно, они больше бы соотносились с социальной реальностью в случае организованного, продуманного, постадийного демонтажа СССР. Но распад Советского Союза был не плановым «бракоразводным» процессом, а политической катастрофой, следствием/свидетельством системного поражения глобального советского проекта.

Русские – государственный народ распавшейся державы – были побежденным народом. Как жестко обходятся с побежденными, хорошо известно по итогам Второй мировой войны. С русскими в 1990-е гг. обошлось без массовых организованных репатриаций, через которые прошли миллионы немцев в середине 1940-х. Но отношение к русскому населению во многих постсоветских странах было именно как к побежденным. Не говоря о глубинном страхе постсоветских стран, что мощная демографическая масса русских будет вечной пятой колонной, которая если не сейчас, так позже, но обязательно захочет реванша. И если сорганизуется, наведет мосты с Россией, то позволит последней опять «засосать» в себя малых соседей, как это случилось в начале 1920-х гг.

Этот метафизический страх у целого ряда титульных народов (и соответственно их политического класса) ближнего зарубежья России жив до сих пор. Событиями на Украине он был реанимирован полностью. Наконец, учтем, что советский проект был масштабным наднациональным начинанием – попыткой создать общество, существующее поверх этнических границ, сводящее к минимуму национальные противоречия и взаимные претензии. Проект потерпел поражение, в том числе из-за роста этих межнациональных противоречий и подъема титульных национализмов. Государства, возникшие на осколках СССР, во многом вернулись к уровню этнополитических образований.

Системная «национализация» социальной жизни, наложившись на политические практики по десоветизации и деколонизации постсоветских государств, не могла не превратиться в процесс их комплексной дерусификации. Непосредственно в сфере этнодемографической динамики данный

процесс обернулся этнокультурным отступлением русских – количественным сокращением и пространственным сжатием их географии. С данного ракурса весь 30-летний постсоветский период развития русского зарубежья по сути являлся периодом его геодемографического угасания.

В первое постсоветское десятилетие, на фоне общего быстрого ухода русских из всех бывших союзных республик, темпами этого процесса выделялись Закавказье и Таджикистан. Местные русские общины сократились за 1990-е гг. в несколько раз (рис. 1).

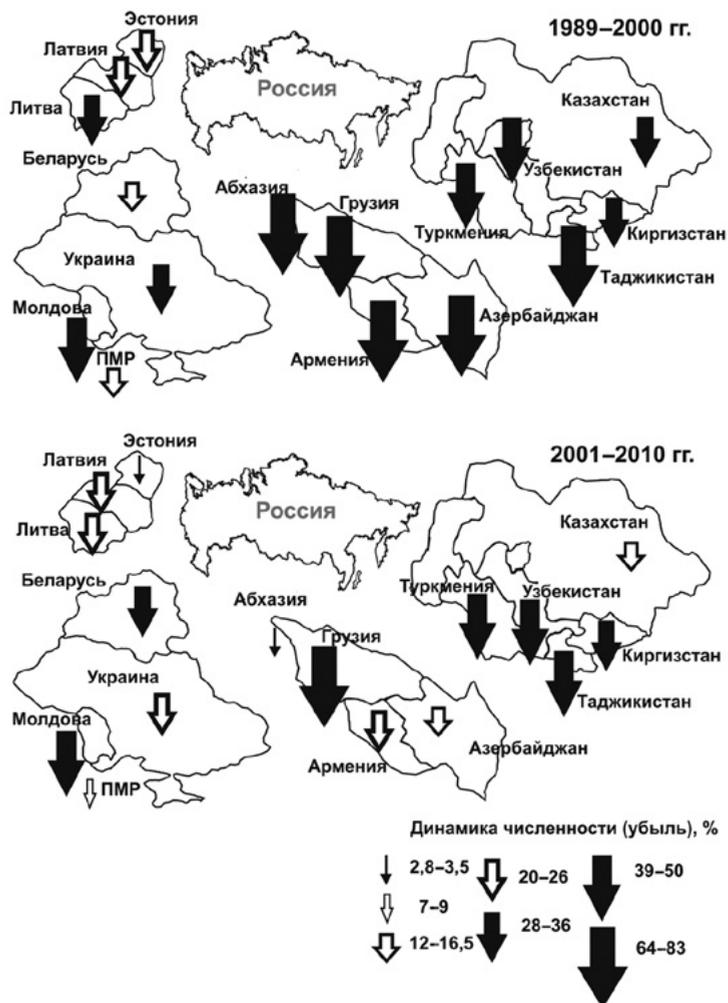

Рис. 1. Темпы убыли русского населения в странах ближнего зарубежья, 1990–2000-е гг. (%)¹

¹ Рисунок 1 и 2 составлены по: Национальные переписи стран СНГ и Балтии; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Наименьшими оказались демографические потери русского населения Беларуси (–15 %), а также Латвии и Литвы (–22–26 %). Несколько больше в удельном отношении (–28–29 %) потеряли две крупнейшие русские общины ближнего зарубежья на Украине и в Казахстане. Однако в абсолютных цифрах именно на них пришлось основные потери русского населения (4,6 млн убыли из 7,4 млн чел.).

Общая политическая и социально-экономическая стабилизация постсоветского пространства в 2000-е гг. способствовала некоторому сокращению темпов демографического сжатия русских общин в большинстве стран ближнего зарубежья¹. Частично изменился и состав группы лидеров депопуляции русского населения. Из стран Закавказья в ней осталась Грузия, а к Таджикистану присоединились еще две страны среднеазиатского региона – Туркмения и Узбекистан. Минимальные темпы демографических потерь продемонстрировали русские общины Эстонии (–2,8 %) и Казахстана (–14 %). Показательно, что и в 2010-е гг. их отличали минимальные удельные потери (соответственно –3,5 % и –9 %), притом что русские общины пяти других постсоветских стран потеряли за 8 лет текущего десятилетия 13–16 % своего размера, две – 22–23 %, пять – 29–35 % (рис. 2).

Рис. 2. Темпы убыли русского населения в странах ближнего зарубежья, 1990–2010-е гг. (%)

¹ Они упали в 9 странах, в трех практически не изменились, а увеличились в Беларуси и Туркменистане (во второй из стран речь идет об экспертной оценке).

Впрочем, сколько-нибудь достоверная информация (данные текущего демографического учета) о численности русских в 2017–2018 гг. имела только для четырех стран (Латвии, Эстонии, Казахстана, Киргизии). Еще в трех странах соответствующие данные имеются на середину 2010-х гг. (по Литве текущий учет, а в Молдове и Грузии результаты переписей, которые прошли в 2014 г.). И современные размеры русских общин этих стран являются экспертной оценкой. Тем более это касается государств, со времени переписи населения в которых прошло уже 8–9 лет (Армения, Азербайджан, Беларусь, Таджикистан).

Особняком стоят три страны – Узбекистан, ни разу не проводивший самостоятельных переписей населения; Туркменистан, проводивший ее дважды (1995 и 2012 гг.), но в силу разных причин скрывающий результаты второй из них (при этом что данные первой были недостоверны); Украина, единственная постсоветская перепись в которой прошла почти два десятилетия назад (2001 г.), а социально-политический кризис середины 2010-х гг. закончился потерей части территории. Для этих трех государств экспертные расчеты численности русских являются исследовательской процедурой, чреватой значительными погрешностями. Между тем речь идет о первой и третьей (на момент распада СССР) по своим размерам русских общинах ближнего зарубежья. Без сколько-нибудь достоверного знания их размеров нельзя составить точного представления об общем демографическом потенциале русских на постсоветском пространстве и его динамике в начале XXI в.

Таблица 2. Динамика численности русского населения в странах ближнего зарубежья, 1989–2050 гг. (убыль, %)

Страны и территории	1989–2000	2000–2010	2010–2018*	1989–2018*	2018–2030**	2030–2050**
1	2	3	4	5	6	6
Украина	-29,3	-20,1*	-16,4	-52,7	-13,0	-28,8
Беларусь	-14,9	-31,3	-22,3	-54,5	-23,0	-41,5
Узбекистан	-39,5	-40,0*	-13,3	-68,5	-32,7	-42,9
Таджикистан	-82,5	-48,5	-22,9	-93,0	-33,3	-61,1
Туркменистан	-43,1	-50,0*	-31,6	-80,5	-23,1	-40,0
Казахстан	-28,1	-14,1	-9,0	-43,8	-10,0	-20,6
Киргизия	-34,2	-32,3	-13,5	-61,5	-13,0	-34,9

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	6
Грузия	-72,1	-47,4	-16,0	-87,7	-31,0	-20,7
Азербайджан	-63,8	-16,2	-35,3	-80,4	-24,7	-43,1
Армения	-71,2	-20,0	-33,3	-84,6	-25,0	-33,3
Литва	-36,0	-20,5	-28,6	-63,7	-32,0	-47,1
Латвия	-22,4	-20,9	-12,4	-46,2	-22,0	-28,9
Эстония	-26,1	-2,8	-3,5	-30,7	-7,3	-9,8
Молдавия	-30,6	-30,8	-7,4	-55,5	-14,0	-18,6
Все ближнее зарубежье	-31,2	-21,4*	-14,1	-53,5	-14,3	-26,9

Примечание: * – оценка автора; ** – прогноз автора.

Итак, данные за 2018 г. в значительной степени являются расчетными величинами (рис. 3). Но фрагментарность нашего знания не отменяет сделанного ранее вывода о наличии устойчивого депопуляционного тренда. Как не отменяет и того факта, что за 30-летний постсоветский период данный процесс во многих постсоветских странах ближнего зарубежья прошел значительный путь по их полной этнокультурной дерусификации.

Всего 6–8 % русских от общей их численности к началу 1990-х гг. остается в настоящее время в Грузии и Таджикистане, порядка 14–20 % в Армении, Азербайджане, Туркмении. Только в трех государствах ближнего зарубежья (в Латвии, Эстонии, Казахстане) русские общины за прошедший период сумели сохранить более половины своего советского размера. Очевидным лидером здесь является Эстония (69 %).

Удельный вес русских снижался на постсоветском пространстве столь же неуклонно. Однако темпы данного процесса определялись не только масштабами демографических потерь местных русских общин, но и динамикой всего населения каждой из постсоветских стран. Депопуляция Балтики, государств западного макрорегиона (Украины, Беларуси, Молдовы) и двух из трех стран Закавказья (Армении, Грузии) снижала доли русского населения. Ускоренный рост демографического потенциала Средней Азии или Азербайджана эту удельную убыль заметно увеличивал. Рекордсменом в этой группе являлся Таджикистан, доля русских в котором сократилась в 25 раз. Но в несколько раз их удельная этническая представленность сократилась и во всех других странах Средней Азии и Закавказья. Минимальными были долевые потери русских в двух странах Балтии – в Эстонии и Латвии, где они продолжают составлять около четверти жителей.

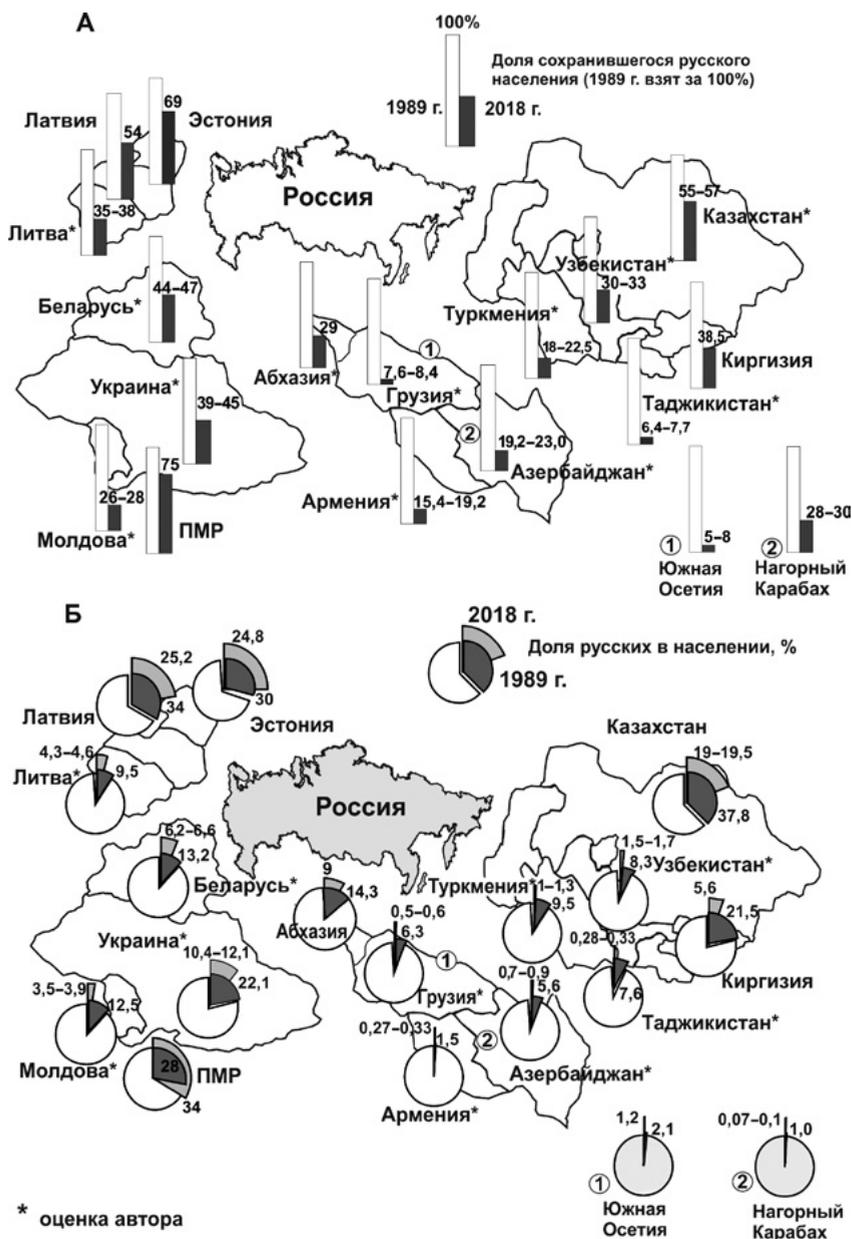

Рис. 3. Динамика русских общин стран ближнего зарубежья, 1989–2018 гг.
(* – оценка автора)

В целом векторы геодемографической динамики русского населения на постсоветском пространстве не отличались разнообразием. Известным исключением являлись только непризнанные государства, возникшие

в результате сецессионного отмежевания территориального сообщества с большой этнонациональной или социокультурной спецификой от одной из стран ближнего зарубежья. Причем только в тех случаях, когда такое отмежевание происходило при политической и военной поддержке со стороны России. Превращение последней в основного гаранта существования самопровозглашенных территориально-политических образований останавливало процесс их демографической дерусификации или по крайней мере минимизировало его масштабы.

Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия, а в последние годы и две народные республики Восточного Донбасса – единственные социумы в пределах ближнего зарубежья, в которых социальный статус русской национальности оставался (и остается) достаточно высоким, чтобы минимизировать, если не исключить ассимиляционные потери русских общин¹. И они сокращались прежде всего в результате естественной убыли (отчасти и миграционного оттока), что обеспечивало гораздо лучшую демографическую сохранность русского населения, чем в странах, от которых данные социумы политически отпочковались. Достаточно сравнить количественную динамику русских в Молдове и Приднестровье, Грузии и Абхазии (темпы убыли русских общин в обоих непризнанных государствах были в три раза ниже, чем в «материнских» государствах).

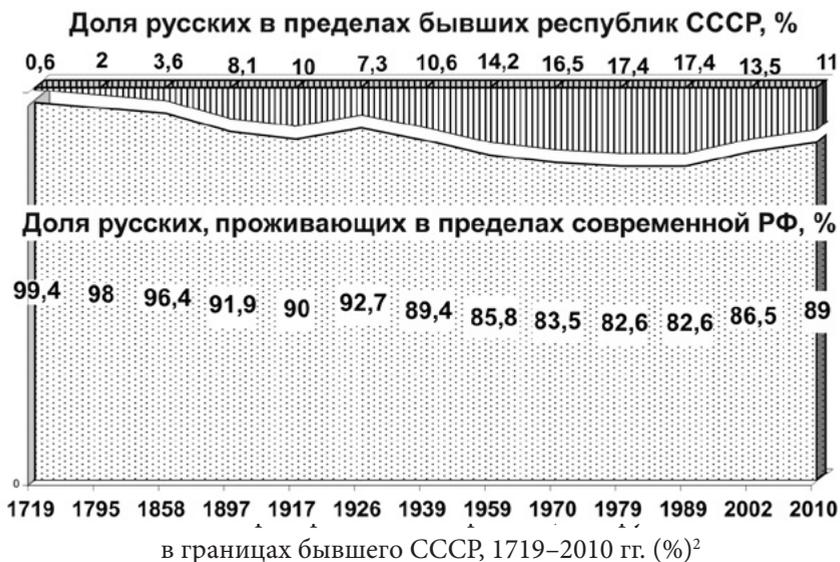
Данная этнодемографическая тенденция с большой вероятностью сохранится и в будущем. Расчеты показывают, что к середине XXI в. в пределах Абхазии может быть сосредоточено до половины русских всего Закавказья (на рубеже 1980–1990-х гг. доля Абхазии составляла менее 10 %). К этому же времени число русских в Приднестровье может оказаться в несколько раз больше, чем в Молдове, притом что в 1989 г. их было меньше на 40 %. К 2050 г. при неблагоприятном сценарии демографической динамики русской общины Украины с ней по численности может сравняться русское население Восточного Донбасса, которое в настоящее время меньше в 2,5–3 раза.

Таким образом, именно социально-политическая ориентация государств, степень их общей пророссийскости становились одним из основных факторов, определявших демографическую динамику местного русского населения. Однако в отличие от непризнанных государств, возникших в результате сецессии, ни одна из бывших союзных республик не

¹ А в трех из пяти перечисленных государственных образований (ПМР, ДНР и ЛНР) ассимиляция продолжала работать на демографическое пополнение русского населения.

стала полностью пророссийской. По сути, многовекторной является даже внешняя политика ближайших союзников России – Беларуси, Армении, Казахстана.

В результате общая численность русского населения в 14 странах ближнего зарубежья за последние 30 лет сократилась более чем вдвое (и составляет 42,5–45 % от уровня 1989 г.). Если к началу 1990-х гг. на ближний пояс РФ приходилось около 16,5–17 % всего русского народа (в том числе 17,4 % русских Советского Союза), то в 2010 г. уже 10–10,5 % (10,5–11 % бывшего СССР) (рис. 4). В настоящее время этот показатель сократился до 8–8,5 % (8,5–9 %). Иными словами, с начала 1990-х гг. доля русского народа, сосредоточенного в самой России, неуклонно растет. Этот процесс существенно потерял в темпах по сравнению с первым постсоветским десятилетием. Но русские продолжают стягиваться из внешнего пояса России в ее государственные пределы. И в любом случае темпы депопуляции их в ближнем зарубежье существенно превосходят убыль русского населения в самой России, в которой она связана исключительно с естественными потерями (миграция¹ и ассимиляционные процессы устойчиво работают на количественный прирост).

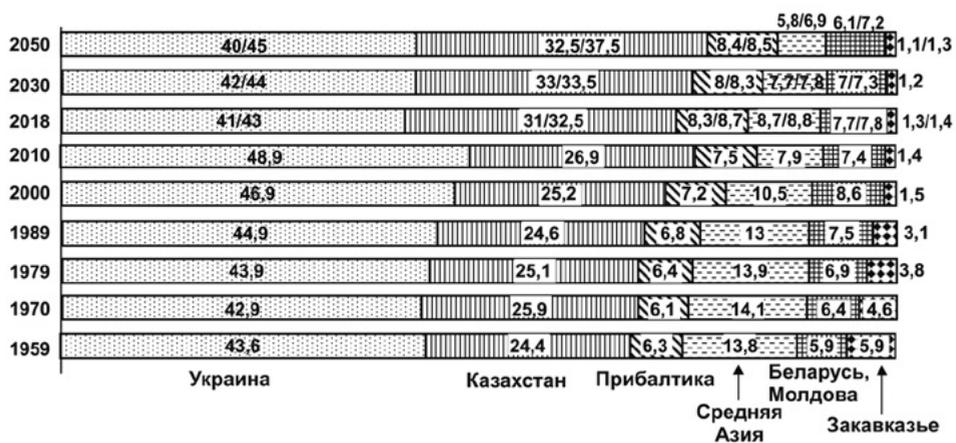
Анализ динамики удельного соотношения русского населения по крупным

¹ Речь идет о миграционном сальдо. Небольшие потери, которые Россия имеет в миграционном взаимодействии с дальним зарубежьем, с избытком компенсируются притоком из стран СНГ.

² Составлено по: Кабузан В.М. Русские в мире; Демоскоп Weekly (приложение). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

макрорегионам ближнего зарубежья, несмотря на существенные различия в темпах демографической убыли, обнаруживает устойчивое соотношение, определяемое определяемую общим количественным масштабом русского присутствия. Мощный потенциал русского массива на Украине или в Казахстане позволяет данным странам оставаться основными средоточиями русских в пределах всего ближнего пояса России. На данные две страны в настоящее время в сумме приходится 72–75 % русских ближнего зарубежья, на несколько пунктов больше, чем в 1950-е гг. или в конце советского периода.

Это связано с ростом показателя Казахстана, доля которого с четверти выросла до трети. Более существенными были перестановки между остальными средоточиями русского населения ближнего зарубежья. Русские Балтии, в конце 1980-х гг. количественно уступавшие русским общинам Средней Азии почти в два раза, в настоящее время уже практически сравнялись с ними по численности, параллельно обойдя по размеру русский массив Беларуси и Молдовы. Самым существенным образом сократилась доля русских общин Закавказья, процесс опережающей депопуляции которых начался еще в середине XX в. (рис. 5).

по крупным национальным макрорегионам СССР (ближнего зарубежья), 1959–2050 гг. (%)¹

Сложившиеся в последние десятилетия тренды продолжатся в будущем. Казахстан, несмотря на устойчивую и достаточно интенсивную убыль своего русского населения, с большой вероятностью в ближайшие десяти-

¹ Данные по Украине для 2018–2050 гг. даны без Крыма, но с учетом русского населения народных республик Восточного Донбасса; для Беларуси и Молдовы, данные за 2000–2050 гг. учитывают русских Приднестровья.

летия нарастит долю в общем показателе, а Украина может ее сохранить. Однако следует учесть, что на графике в состав русской общины Украины включено русское население республик Восточного Донбасса. Из 41–43 % украинского долевого показателя 2018 г. на республики может приходиться 9–9,5 %, и в дальнейшем их удельный вес будет только возрастать (табл. 2).

Таблица 2. Доля русского населения двух «частей» Украины в общей численности русских ближнего зарубежья, 2018–2050 гг. (%)

Территория	2018	2030	2050
Украина, подконтрольная Киеву	32–33,5	30–31	21–25
Народные республики	9–9,5	12–13	19–20
<i>Вся Украина</i>	<i>41–43</i>	<i>42–44</i>	<i>40–45</i>

К середине XXI века численность русских Восточного Донбасса может быть уже сопоставимой с их количеством на территориях Украины, подконтрольных Киеву. Иными словами, если рассматривать народные республики как политически независимые государственные образования, то уже в настоящее время Восточный Донбасс можно считать третьим по размеру своего русского населения макрорегионом ближнего зарубежья. В этом случае Украина и Казахстан оказываются практически равны по данному показателю. Но к середине XXI в. доля Казахстана будет уже намного больше. На него будет по-прежнему приходиться треть (или более) русских всего ближнего зарубежья, тогда как на Украину и Восточный Донбасс соответственно 21–25 % и 19–20 %.

К этому времени демографический закат русского ближнего зарубежья можно уже будет считать в основном завершенным, притом что несколько миллионов русских всё еще будет проживать в постсоветских странах. С учетом сопредельности ближнего пояса и общего динамизма современного человека, определенное число русских по самым разным причинам будет перебираться в эти страны на ПМЖ, не говоря уже об их присутствии в качестве туристов: число ежегодных посещений в ряде государств уже в настоящее время исчисляется сотнями тысяч (и большее – 1–1,5 млн) ежегодных посещений¹.

Но как крупные старожильческие сообщества, прожившие на данных территориях многие поколения, русские общины ближнего зарубежья будут исчезать одна за другой по мере ухода из жизни наиболее многочисленных (и при этом наиболее возрастных) групп их представителей.

¹ Иными словами, в каждый момент в пределах таких стран может одновременно находиться от многих тысяч до нескольких десятков тысяч русских людей.

К настоящему времени последние стадии своего демографического заката проходят русские общины Армении и Грузии и по крайней мере двух из пяти государств Центральной Азии (Таджикистана и Туркмении). К середине века к ним может присоединиться Молдова и Азербайджан (рис. 6). Во всех этих странах к этому времени сохранится менее (или около) 10 % русского населения от уровня рубежа 1980–1990-х гг. Столько или чуть больше русских в 2050 г. может оставаться в Литве и Узбекистане.

Рис. 6. Доля русского населения к 2050 г.

(1989 г. взят за 100 %; Украина дана с республиками Восточного Донбасса)

А во второй половине XXI столетия растущие диспропорции половозрастной структуры окажутся в состоянии включить ускоренную естественную убыль оставшихся общин. Если это произойдет, то до следующего векового рубежа в ближнем поясе России только некоторые из них сумеют сохраниться в качестве сколько-нибудь значимых этнодемографических групп местного населения. Хотя, повторимся, основные стадии демографической истории русского ближнего зарубежья в целом можно будет считать завершенными уже к 2050 г. К этому времени за пределами России, в ближнем зарубежье, может находиться порядка 6–8 млн чел. (рис. 7; табл. 3), а если исключить из этой цифры пророссийский Восточный Донбасс, который к этому времени даже если не войдет в состав России, то будет плотно интегрирован в ее социально-экономическое и социокультурное пространство, – 4,5–6,5 млн чел.

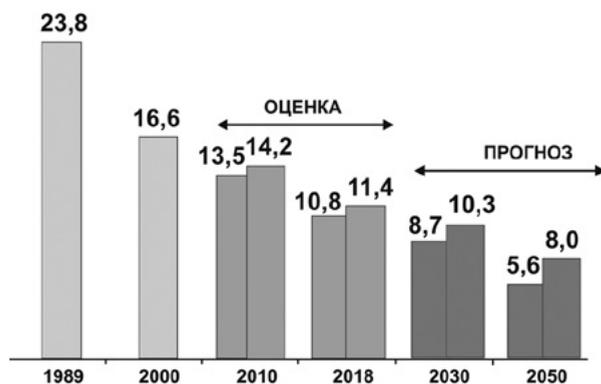

Рис. 7. Динамика русских ближнего зарубежья (без Крыма), 1989–2050 гг. (млн чел.)¹

Таблица 3. Динамика русского населения по странам и макрорегионам ближнего зарубежья, 2018–2050 гг. (тыс. чел.)²

Территория	2018	2030	2050
Украина	4400–4900	3700–4400	2500–3200
Казахстан	3500–3550	2900–3400	1800–3000
Средняя Азия	940–1000	680–790	325–550
Беларусь, Молдова	835–885	635–715	400–485
Прибалтика	936–946	725–825	470–680
Закавказье	144–155	106–122	70–86
Все ближнее зарубежье (млн чел.)	10,75–11,44	8,75–10,25	5,56–8,0

¹ Оценка и прогноз автора.

² Оценка и прогноз автора.